

Е. РИХТЕР

ОБ ЭТНИЧЕСКОМ СОСТАВЕ И ЯЗЫКЕ НАЦИОНАЛЬНО-СМЕШАННЫХ СЕМЕЙ ТАЛЛИНА

XXVI съезд КПСС уделил много внимания межнациональным отношениям и формированию интернационального мировоззрения в сознании людей. «Единство советских наций сегодня прочно, как никогда, — сказано в отчетном докладе съезду, — это не значит, конечно, что все вопросы в сфере национальных отношений уже решены. Динамика развития такого крупного многонационального государства как наше, рождает немало проблем, требующих чуткого внимания партии».¹

Одна из важнейших проблем — интернациональное воспитание на основе взаимопроникновения и интеграции национальных культур. В данной статье отражен один из аспектов изучения этой проблемы. При изучении современных этнических процессов особый интерес представляет взаимодействие национальных культур в самой обыденной обстановке — в сфере жизнедеятельности семьи. Очень интересный и многообещающий объект исследования — межнациональные или биэтнические семьи. В 1979 г. автором статьи было начато наблюдение за процессами сближения культур в рамках биэтнических семей Таллина.

Таллин — город, вобравший в послевоенные годы обширный миграционный поток, пестрый по социально-профессиональным, этническим и демографическим характеристикам. В нем насчитывается около 100 национальностей, закономерны межнациональные браки. Из всего их многообразия были выбраны браки эстонцев с русскими, украинцами или белорусами, т. е. с людьми этнически близкой к русским национальности. Эти люди и составляют подавляющее большинство неэстонского населения города.² Опрошены 10—12-летние дети и их родители 32—39 лет (годы рождения последних 1941—1948, а крайние даты — 1928 и 1953). Таким образом, объектом исследования стали семьи, которые называют стабилизовавшимися.³ Дети в любой семье находятся под сильным влиянием ее уклада, культурных традиций и поэтому они — особенно благодарный объект исследования всего стиля жизни семьи.

¹ Брежнев Л. И. Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXVI съезду Коммунистической партии Советского Союза и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. Таллин, 1981, с. 73.

² По данным переписи 1959 г., русских жителей было 90 594 (32,2% всего населения города), украинцев 7 277 (2,6%), белорусов 3 683 (1,3%), евреев 3 714 (1,3%), прочие национальности составляли десятые доли процента городского населения. (См. Таллин. Краткий энциклопедический справочник. Таллин, 1980, с. 30). Живущие в Таллине украинцы и белорусы как в семье, так и вне дома говорят по-русски, соответственно приобщены к русской культуре, что и дает основание соединить их с русским населением. Впрочем, при опросе смешанных семей обычно учитывалась этническая специфика, проявляющаяся главным образом в особенностях пищи.

³ Стабилизовавшаяся семья «... это семья, прошедшая первоначальный этап становления. Он характеризуется активной социально-психологической «притиркой» супругов друг к другу, решением основных хозяйственно-экономических проблем молодой семьи (получение жилищно-бытовой самостоятельности, обзаведение необходимым для семейной жизни набором мебели, утвари и т. д.), рождением детей». — Коган Л. Н., Павлов Б. С. Культура семьи. — В кн.: Культура семьи как объект социологического исследования. Свердловск, 1980, с. 10.

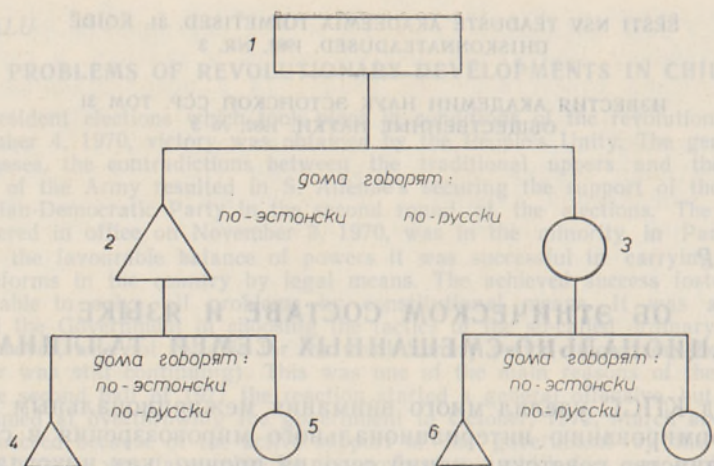


Рис. 1. Схема-анкета для школьников из межнациональных семей. 1 — имя ребенка; 2 — имя и отчество отца; 3 — имя и отчество матери; 4—5 — имя и отчество родителей отца; 6—7 — имя, отчество и фамилия родителей матери.

Было опрошено 100 семей в разных микрорайонах города. Для Таллина с его 450-тысячным населением, где ежегодно регистрируется четыре с половиной тысячи браков, принятое к исследованию количество семей никоим образом нельзя считать представительным. Однако исследование даже такого малого масштаба позволило приблизиться к разработке методики исследования в будущем, наметить пути для изучения этнокультурных особенностей смешанных семей, сочетания в них национальных (инонациональных) и интегрированных элементов.

Выявление межнациональных семей проводилось путем анкетирования учеников четвертых классов. Поскольку исследование было зондажным, мы выбрали близлежащие эстонские и русские школы (всего 10), т. е. по две школы в основных микрорайонах города: центр и прилегающие к нему улицы бывшего рабочего района (Пельгуранд, Копли), затем Нымме и Мустамяэ. По социальным и этническим признакам эти микрорайоны более или менее одинаковы, хотя и имеют некоторые особенности.⁴ Дети из межнациональных семей заполняли анкету-схему (рис. 1), а мы, получив у классного руководителя адрес ученика, интервьюировали их родителей на дому. Каждая анкета, заполненная ребенком⁵, давала следующие предварительные сведения о его семье: национальность родителей, домашний язык, национальность дедов и их домашний язык, место, где ребенок проводит лето — в пионерлагере или у бабушки. Без учета поколения дедов процесс передачи детям этнической бытовой культуры и языка оказался бы недостаточно раскрытым.

Учитывая цель нашего исследования, обрисуем этнодемографическую среду Таллина за последние полвека. Как и любая другая столица, Тал-

⁴ Например, уцелевшие от бомбежки в войну узкие улицы с двухэтажными деревянными домами и внутренними двориками значительно отличаются от новых микрорайонов с их многоэтажными домами и широкими пространствами между ними (Мустамяэ, Вяйке-Ыйсмяэ). От последних отличается Нымме — район индивидуальной застройки с огороженными приусадебными участками. Каждый из указанных микрорайонов имеет свой микроклимат, что необходимо было учесть при разработке темы.

⁵ Первоначально анкеты-схемы раздавали по числу учеников в классе, благодаря чему были выявлены не только русско-эстонские, но и другие смешанные семьи. Однако это было нерациональным расходом анкет, поэтому в дальнейшем их стали давать только детям из интересующих нас семей, сведения о которых были получены от классных руководителей.

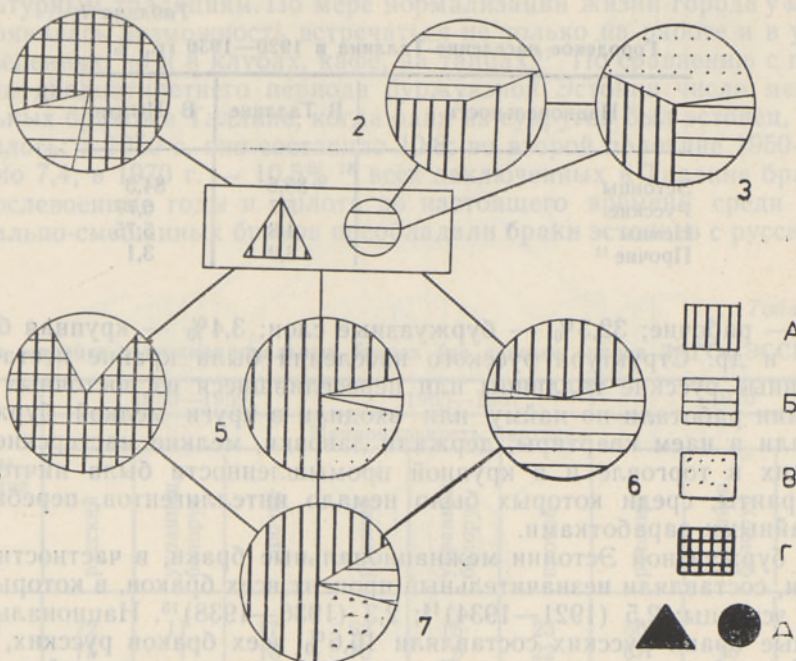


Рис. 2. Первый тип семьи (муж — местный эстонец, жена — приезжая русская). 1 — домашний язык; 2 — владение эстонским языком; 3 — пища, приготовляемая в семье; 4 — билингвизм ребенка; 5 — выбранное для ребенка имя; 6 — выбранная родителями школа; 7 — национальное самоопределение ребенка.

лин и до Октябрьской революции, и в период буржуазной республики (1920—1940) был многонациональным городом. Так, в 1913 г. среди 116 132 таллинцев эстонцы составляли 71,6; русские — 11,4; немцы — 10,7; другие национальности — 6,3%.⁶ Усиленная миграция населения, вызванная первой мировой войной, изменила соотношения национальностей в городе: возросло количество русских рабочих (25,6% всего городского населения), несколько снизился процент эстонцев (57,7) и немцев (8,3).⁷ Население города увеличилось до 159 193 человек. После Октябрьской революции начался отлив населения, в 1918 г. в городе насчитывалось 111 291 человек.⁸ В 1920—1923 гг. население Таллина стало пополняться за счет переселенцев из близлежащих уездов, а также эстонцев-оптантов, возвратившихся из Советской России.⁹ Многие из них знали русский язык, а некоторые имели русских жен. Вторую многочисленную группу переселенцев составляли русские эмигранты, главным образом — остатки разбитой Северо-Западной армии Юденича. Приток немцев, потомков дворян и ремесленников, был незначительным, а в 1939—1940 гг. очень многие из них выехали в Германию.¹⁰

В 1938 г. население Таллина и Нымме (дачный пригород, имевший до 1940 г. местное самоуправление) составляло 164 тыс. человек; а по социальному признаку население города в 30-е годы выглядело так:

⁶ История Таллина 1860—1970. Таллин, 1972, с. 41.

⁷ Там же, с. 41.

⁸ Там же, с. 167.

⁹ За эти годы в Эстонию из Советской России переехали 37 578 человек, 61% которых поселился в городах. См.: М а а м я г и В. Эстонские поселенцы в СССР (1917—1940 гг.). Таллин, 1976, с. 211.

¹⁰ В 1939—1940 гг. Таллин покинули более 7 тыс. немцев-репатриантов. Пулл ат Р. Городское население Эстонии с конца XVIII века до 1940 г. Таллин, 1976, с. 114.

Таблица 1

Городское население Таллина в 1920—1930 гг., %

Национальность	В Таллине	В Нымме
Эстонцы	85,6	84,3
Русские	5,7	6,77
Немцы	4,8	5,75
Прочие ¹¹	3,9	3,1

60% — рабочие; 32,3% — буржуазные слои; 3,4% — крупная буржуазия ¹² и др. Структура русского населения была крайне нестабильна. Коренные русские таллинцы или переселившиеся из восточных уездов Эстонии работали по найму или входили в круги мелкой буржуазии: сдавали в наем квартиры, держали лавочки, мелкие мастерские. Доля русских в торговле и в крупной промышленности была ничтожной. ¹³ Эмигранты, среди которых было немало интеллигентов, перебивались случайными заработками.

В буржуазной Эстонии межнациональные браки, в частности с русскими, составляли незначительный процент всех браков, в которые вступали эстонцы: 2,5 (1921—1934) ¹⁴; 2,3 (1936—1938) ¹⁵. Национально-смешанные браки русских составляли 16,6% всех браков русских, из них 15,2% — браки с эстонцами. Если в брак вступали русский и эстонка или эстонец и русская, то независимо от того, каков был домашний язык, дети владели обоими языками, хотя национальность их чаще всего значилась эстонской.

В 1940 г., по восстановлению советской власти, наметились предпосылки для сдвигов в этносоциальной среде Таллина, однако начавшиеся изменения были прерваны войной. Этнодемографическая ситуация изменилась по окончании Великой Отечественной войны. Осенью 1944 г., когда Таллин был освобожден от немецкой оккупации, население брачного возраста было неравнозначным не только по национальному, но и по другим признакам: местные эстонцы, второе поколение эстонцев-оптантов, местные русские, дети из межнациональных семей, получившие, как правило, эстонское воспитание, и наконец, финны (ингерманландцы Ленинградской области), эстонцы и русские, переселенные в 1943 г. по приказу фашистского командования из оккупированной Ленинградской области.

В 1945—1946 гг. население Таллина пополнилось несколькими тысячами демобилизованных воинов Эстонского стрелкового корпуса, в состав которого входили эстонцы, мобилизованные как в Эстонской ССР, так и в других регионах Советского Союза. Население города за эти два года значительно увеличилось: в 1944 г. оно составляло 133 281 ¹⁶, а в 1946 г. — 167 878 человек. В эти и последующие годы наряду с демобилизованными ехала восстанавливать город русская и эстонская молодежь из соседних областей РСФСР и из других республик, иногда значительно отдаленных от Эстонии. Прибывшие по набору мигранты во многом отличались от местного эстонского населения. Поэтому можно утверждать, что межнациональные браки первых послевоенных лет соединили молодых людей, различных не только по этнической принадлежности, но и по социальным установкам, этнопсихологическому скла-

¹¹ История Таллина, с. 174.

¹² Пулла Р. Городское население Эстонии, с. 158, 175, 187.

¹³ Там же, с. 167, табл. 53, с. 170, табл. 55.

¹⁴ Tallinna Linna Statistiline Aastaraamat. Таллин, 1935, с. 17, табл. 20.

¹⁵ Eesti Statistika, 1940, № 1, с. 11—12.

¹⁶ История Таллина, с. 323.

ду, культурным традициям. По мере нормализации жизни города у молодежи появилась возможность встречаться не только на работе и в учебных заведениях, но и в клубах, кафе, на танцах.¹⁷ По сравнению с показателями двадцатилетнего периода буржуазной Эстонии число межнациональных браков в Таллине, когда один из супругов был эстонец, явно увеличилось: в 1950 г. оно составило 10,8; во второй половине 1950-х гг. примерно 7,4; в 1970 г. — 10,5%¹⁸ всех заключенных в Таллине браков.

В послевоенные годы и вплоть до настоящего времени среди всех национально-смешанных браков преобладали браки эстонцев с русскими.

Таблица 2

Партнеры эстонцев в межнациональных браках (по данным архива ЗАГСа ЭССР), %

Эстонцы, вступившие в брак	1950—1959			1965—1967			1970		
	Национальность партнера								
	русский	украинец, белорус	прочие	русский	украинец, белорус	прочие	русский	украинец, белорус	прочие
женщины	72	11	17	62	15	23	50	19,5	30,5
мужчины	75	7	18	70	8	22	67	10	23

Как видно из таблицы, число браков между эстонцами и русскими постепенно уменьшается, а между эстонцами и украинцами или белорусами и людьми других национальностей — возрастает. Это свидетельствует об интенсификации контактов эстонцев с людьми многих других национальностей как в Таллине, так и за пределами республики (контакты во время учебы, службы в рядах Советской Армии, работы в строительных дружинах, длительных командировок и т. д.).

В числе людей иных национальностей, вступивших в брак с эстонцами, русские занимают первое место, а затем следуют финны (ингерманландцы и прибывшие из Финляндии), евреи, латыши, поляки, шведы и др. В дальнейшем среди брачных партнеров эстонцев встречаются люди 38 национальностей, в их числе — пять венгров, нигериец, карачаевец, костариканка, швейцарец. Довольно пестры и браки, соединившие местных эстонцев и мигрантов с русскими, местных русских и мигрантов с эстонцами, детей из смешанных эстонско-русских семей — с русскими и эстонцами как местными, так и мигрантами. По этим сочетаниям, 100 рассматриваемых нами семей можно подразделить на 8 различных типов (см. схемы).

Среди этих 100 численно преобладали семьи первого типа. Примерно в каждой третьей семье муж — местный эстонец, а жена — приезжая русская. Независимо от того, где состоялось знакомство — за пределами Эстонии или в Таллине, девушка другой национальности, войдя в семью мужа, попадает в круг его родных, друзей, знакомых, оказывается в иной языковой среде, в условиях иного жизненного уклада. Молодая жена адаптируется прежде всего в сфере бытовой культуры (этому способствует иногда и совместное проживание с родителями мужа), а затем и в языке. Не касаясь конкретных социальных и психологических особенностей каждой семьи, отметим, что в семьях первого типа

¹⁷ По данным нашего опроса, на работе и в учебных заведениях познакомились 29, а на танцах 28% будущих супругов.

¹⁸ Вычислено по данным архива ЗАГСа ЭССР, где хранятся акты регистрации браков по Таллину с 1944 г.

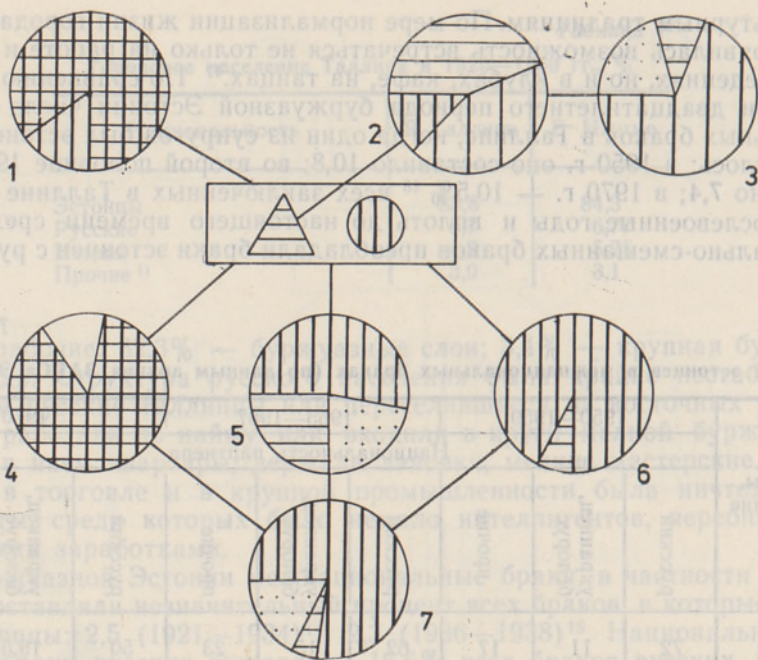


Рис. 3. Второй тип семьи (муж — приезжий русский, жена — местная эстонка). Цифровые обозначения см. на рис. 2.

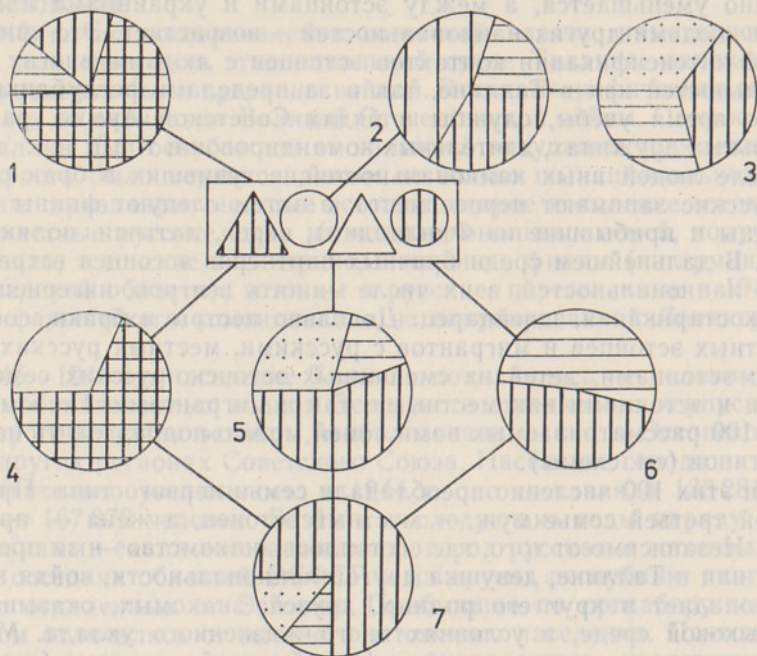


Рис. 4. Третий тип семьи (один из супругов — местный русский, другой — местный эстонец). Цифровые обозначения см. на рис. 2.

эстонским языком владеют полностью 24% женщин, не владеют 45%, у остальных знание эстонского языка слабое. С появлением ребенка в семье возникает ряд важных вопросов: какое имя ему дать — эстон-

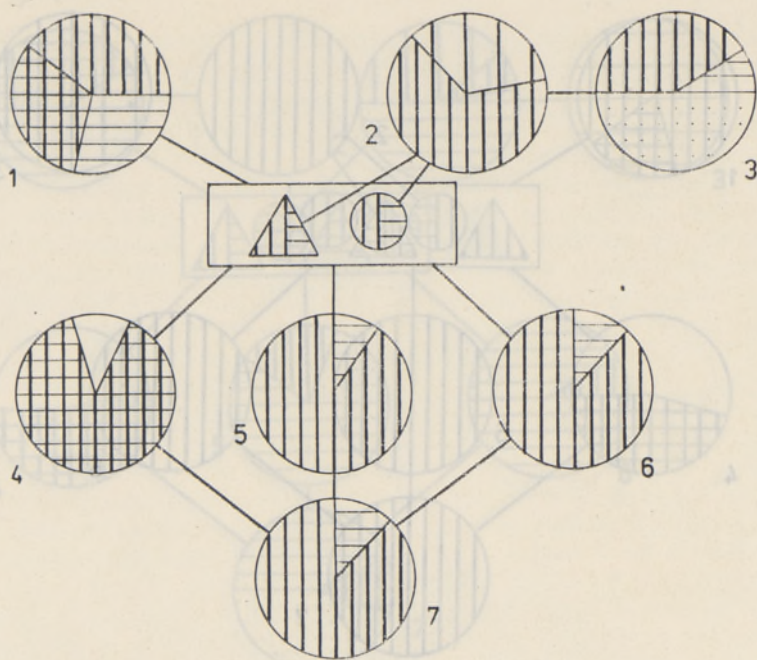


Рис. 5. Четвертый тип семьи (оба супруга — смешанного, эстонско-русского происхождения). Цифровые обозначения см. на рис. 2.

ское, русское, международное (Артур, Роберт, Анджела, Маритана), в какие ясли, детский сад, школу его отправить? У детей в этих семьях преобладают эстонские имена (гармонирующие с фамилией отца), большинство детей владеет двумя языками.

В семье второго типа (муж — приезжий, жена — местная эстонка) адаптироваться должен муж. Домашний быт — сфера деятельности жены, за исключением тех случаев, когда муж, имея кулинарные способности, готовит пищу по своему национальному вкусу. Языковая адаптация в семье этого типа слабее чем в семьях первого типа: свободно владеют эстонским языком только 10, слабо понимают и могут общаться лишь на бытовом уровне 46 и вообще не усвоили эстонский язык 44% супругов. В выборе имени для ребенка жёны уступают мужьям (гармония имени и фамилии), но школу за небольшим исключением выбирают эстонскую.

В семье третьего типа (муж — местный русский, жена — местная эстонка или наоборот) адаптация проходит легче и быстрее, и в целом элементы эстонской культуры в этих семьях имеют некоторый перевес.

Элементы эстонской культуры доминируют в семьях четвертого типа, где оба супруга выросли в смешанных русско-эстонских семьях, или — пятого типа, где один из супругов эстонец, а другой из смешанной семьи. Если же человек из смешанной семьи вступает в брак с русским (шестой тип семьи), то доминируют элементы русской культуры. То же наблюдается и в семьях, где один из супругов эстонец-мигрант, другой русский или из смешанной семьи (седьмой и восьмой тип).

Установленные нами типы межнациональных семей различаются по нескольким показателям: адаптация супруга неэстонской национальности к окружающей среде, внутрисемейный уклад, степень передачи или восприятия этнокультурных особенностей, ориентация детей на эстонскую или русскую культуру.

Каковы же этнические признаки, поддающиеся выявлению в совре-

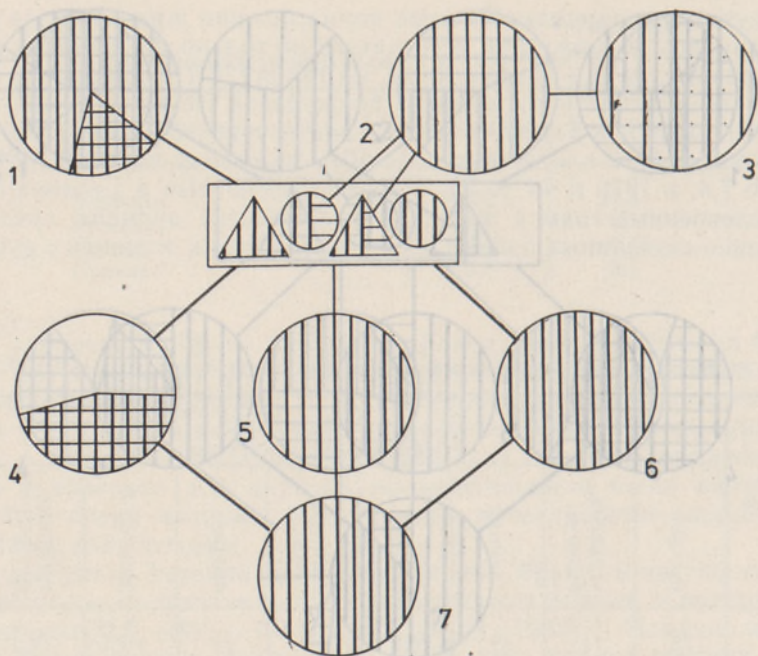


Рис. 6. Пятый тип семьи (один из супругов — эстонец, другой — смешанного, эстонско-русского происхождения). Цифровые обозначения см. на рис. 2.

менных городских семьях? Можно ли их определить в общей нивелированной городской культуре? Основное затруднение для этнографов при исследовании межнациональных семей заключается в выборе индикаторов, с помощью которых можно измерить этническую специфику эстонской или русской семьи. Но что именно в сфере бытовой культуры составляет этническую специфику? Материальная культура? В новейшем социологическом исследовании, посвященном Эстонии, она характеризуется так: «Уже априорно можно предположить, что материальная культура — одежда, пища, интерьер, мебель, жилище и т. д. — это зона максимальной идентификации, выравнивания наций, утверждение уже принципиально общих для страны вкусов и выборов»¹⁹. По одежде далеко не всегда можно определить национальную принадлежность современных таллинцев, особенно молодых. Массовое жилищное строительство в новых жилых районах Таллина (Мустамяэ, Ласнамяэ, Ёйсмяэ, Лиллекюла и др.) и стандартная продукция местных мебельных фабрик повлекли за собой стандартизацию в оборудовании квартир. Действительно, трудно выявить элементы этнической специфики в бытовой культуре семьи. Тем не менее, мы попытались это сделать, исследуя способ приготовления пищи и обычаи приема гостей (стол для гостей) в биэтнических семьях. Хозяйкам предлагали вопрос о пище, которую они готовят, и приводили перечень эстонских и русских блюд. Просили рассказать, как часто они готовят эти блюда и какие из них предпочитают члены семьи. Если же оказывалось, что хозяйки пользуются рецептами современных поваренных книг, и пища, приготовляемая в эстонских и русских семьях не имеет существенного различия, то она была условно названа «городской».

На основании полученных в межнациональных семьях ответов выяснилось, что эстонские блюда, приготовляемые еще и теперь в сельской

¹⁹ Социологические очерки о Советской Эстонии. Таллин, 1979, с. 113.

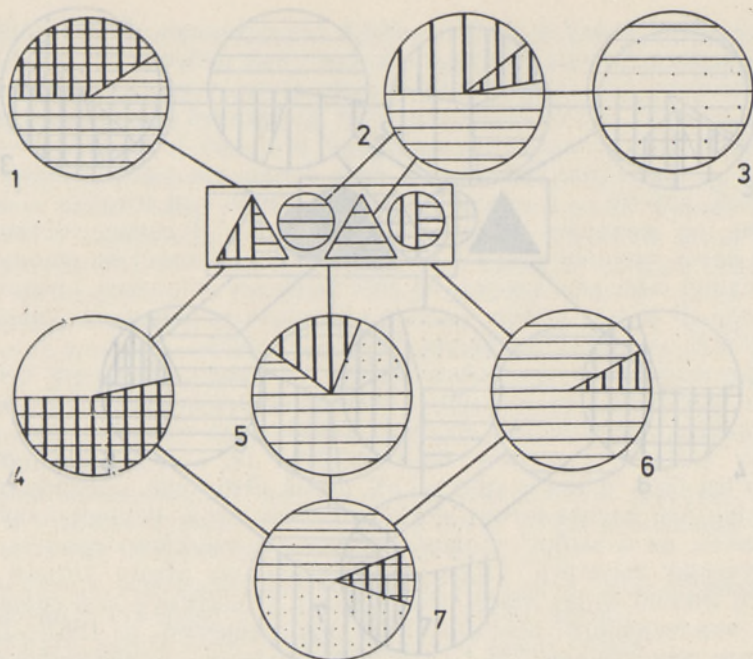


Рис. 7. Шестой тип семьи (один из супругов — русский, другой — смешанного, эстонско-русского происхождения). Цифровые обозначения см. на рис. 2.

местности, как и следовало ожидать, предпочитают те семьи, где жена эстонка, а муж приезжий русский. «Городская» пища пользуется большим успехом, если оба супруга из биэтнических семей. Если муж местный русский, а жена из смешанной семьи, местная или приезжая русская, то эстонские блюда составляют примерно $\frac{1}{3}$ рациона семьи. «Городскую» и русскую пищу предпочитают в семьях, где один супруг из русско-эстонской семьи, а другой из русской или эстонец-мигрант.

Подавляющее большинство опрошенных семей покупает продукты в магазинах, где в ассортимент полуфабрикатов входят консервированная «mulgikapsas» (кислая капуста, тушенная со свиной и перловкой), кровяная колбаса, пельмени, консервированные борщи и т. д. Многие хозяйки готовят на сладкое «leivasupp» (хлебный суп), а к Новому Году покупают в кафе или пекут сами «pirarkoogid» (пряники со специями).

Поэтому сочетание эстонских и русских блюд естественно и во многих моноэтнических семьях. На вопрос: «В чем Вы видите разницу между русской и эстонской пищей?» — можно было услышать: «Разница в пище — только в деревне, в городе ее нет». Тем не менее, некоторое различие существует, и это отметили во многих опрошенных семьях, где один из супругов достаточно хорошо знает вкус чуждой ему с детства пищи. Вот эти мнения. Русские — об эстонской пище: «Соусы разные, мясо готовят лучше, но мало кладут в еду пряностей, специй». Эстонцы — о своей пище: «Простая и вкусная»; «Проще, но питательней». Эстонцы — о столе для гостей у русских: «Обильная и более острая чем у нас пища, томатная паста, разные специи, постное масло». Русские — о столе для гостей у эстонцев: «Красиво накрывают, но пища пресная»; «На эстонский манер легче готовить стол для гостей, у русских он обильнее»; «Я делаю русский стол: мясо горячее куском, пироги разные пеку, а эстонская еда экономная». Если русские хозяйки в некоторых межнациональных семьях отказываются от многочасовых приготовлений

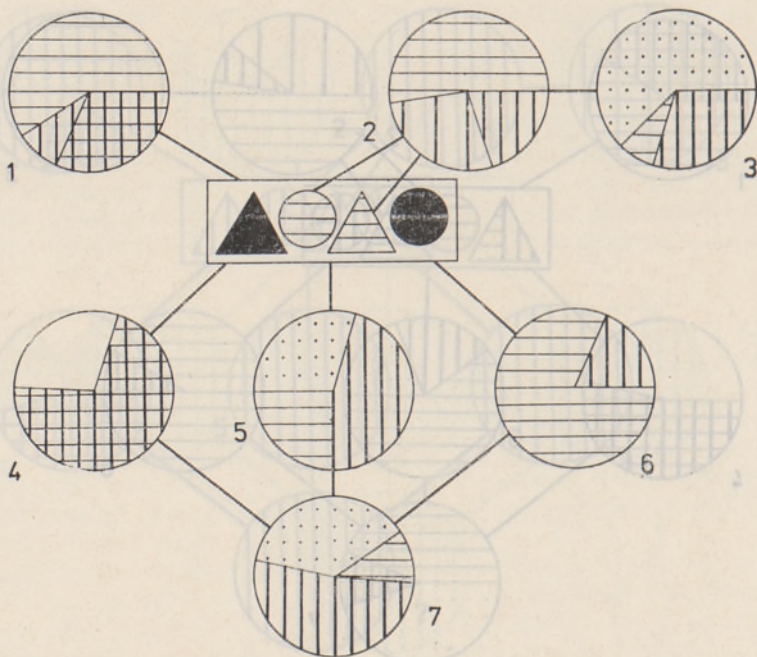


Рис. 8. Седьмой тип семьи (один из супругов — приезжий эстонец, другой — смешанного, эстонско-русского происхождения). Цифровые обозначения см. на рис. 2.

праздничного стола и подают гостям кофе с бутербродами и покупным тортом, то это называется «принимать гостей на эстонский манер». Можно констатировать, что отход от традиционной национальной кухни происходит значительно медленнее, чем от каких-либо традиций в других областях материальной культуры. Традиционная вкусовая гамма, правила приема гостей оказались наиболее устойчивыми. Межнациональные семьи в этом аспекте изучения — очень удобный объект, поскольку позволяют конкретно и достоверно выявить вкусы каждого из супругов.

Значительно сложнее выявить процессы адаптации в области духовной культуры. На первом этапе нашего исследования мы прежде всего обратились к изучению вопроса языковой адаптации, поскольку язык — важнейший компонент духовной культуры. В языковой сфере адаптироваться значительно сложнее чем в сфере материальной культуры. Если коренные русские таллинцы послевоенного поколения овладели эстонским языком в детском и юношеском возрасте, то для недавно прибывших в Таллин изучение эстонского языка представляет немалые трудности, далеко не всегда преодолимые. При опросах выяснилось, в какой степени люди владеют эстонским языком: а) слабо (понимают, но не решаются разговаривать); б) свободно (читают газеты и книги на эстонском языке, слушают передачи по радио, понимают профессиональную речь); в) владеют бытовой речью (беседуют дома, в магазине и т. д.). Оказалось, что примерно половина опрошенных русских в межнациональных семьях в той или иной степени владеет эстонским языком. Это в первую очередь дети от бинтнических браков, а также русские, родившиеся в Эстонии и усвоившие язык с детства. 40% русских вообще не владеют эстонским языком. Этим объясняется значительный процент билингвизма в семьях, где каждый из родителей говорит с ребенком на своем языке, а между собой супруги беседуют только по-русски.

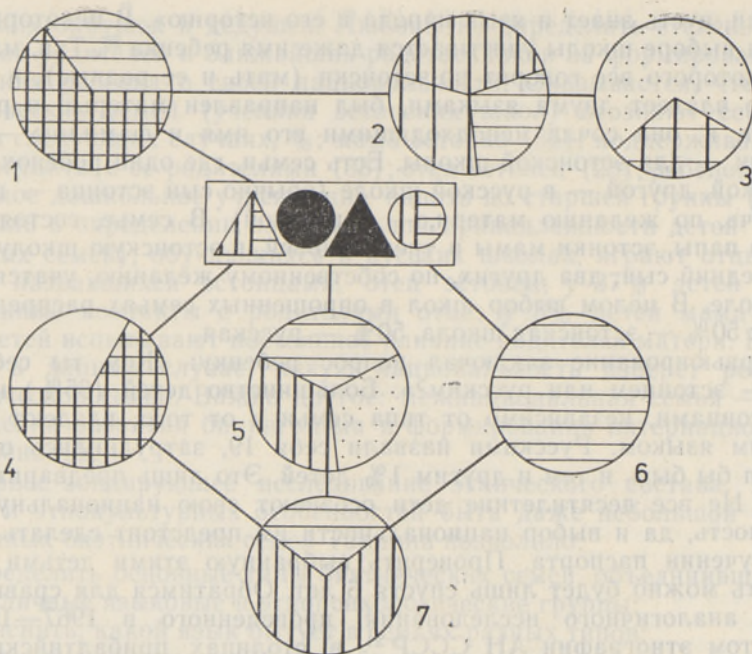


Рис. 9. Восьмой тип семьи (один из супругов — приезжий эстонец, другой — русский). Цифровые обозначения см. на рис. 2.

В большинстве биэтнических семей, где один из родителей эстонец, дети сразу овладевают обоими языками. Дальнейшему усовершенствованию в языках способствует несколько факторов: дошкольные учреждения, мамы или бабушки, которые воспитывали ребенка до школы, соседние дети, та среда, где проходит летний отпуск родителей, и т. д.

В опрошенных семьях было 70% детей, владеющих двумя языками; 23% владеющих слабо (понимают, но объясняются с трудом) и только 7% детей, владеющих одним языком. Билингвизм большинства детей от биэтнических браков способствует широкому усвоению культуры как эстонского, так и русского народа. В 10-летнем возрасте ребенок знакомится с национальной культурой главным образом по телевизору, детским книгам и журналам, детским кинофильмам.

Факторы, способствующие формированию билингвизма детей, носят как субъективный, так и объективный характер. Например, ребенок может попасть не в русский детский сад, а в более близкий от дома эстонский, что устраивает родителей; в семье может жить либо русская бабушка, либо эстонка и т. д. Дети из эстонских и русских семей в маленьких дворах Старого города играют все вместе. В новых микрорайонах, где детей много, компании подбираются по языковому принципу (это подтверждали и родители при опросе). Лето ребенок может проводить у той или иной бабушки, что также способствует развитию и закреплению одного из языков. А вот дальнейший путь ребенка — школу — родители чаще всего определяют сами. Выявились несколько мотивов при выборе школы, главный из которых — возможность помочь ребенку в учебе (обычно это обязанность мамы). Следующий мотив — территориальная близость школы, независимо от языка обучения в ней, поскольку ребенок владеет обоими языками и ему все равно, где учиться. Некоторые родители руководствуются дальнейшей перспективой для своих детей (поступление в высшие учебные заведения за пределами Эстонии), а другие исходят из необходимости владения языком: «Живет

в Эстонии, пусть знает и язык народа и его историю». В некоторых случаях при выборе школы учитывается даже имя ребенка²⁰. Так, мальчик, в доме которого все говорят по-эстонски (мать и ее родные), и он сам свободно владеет двумя языками, был направлен матерью в русскую школу, т. к. она сочла неподходящими его имя и фамилию — Вова Скрипкин — для эстонской школы. Есть семьи, где один ребенок учится в эстонской, другой — в русской школе (обычно сын эстонца — в эстонской, дочь, по желанию матери, — в русской). В семье, состоящей из русского папы, эстонки мамы и трех сыновей, в эстонскую школу пошел лишь средний сын, два других, по собственному желанию, учатся в русской школе. В целом выбор школ в опрошенных семьях распределился поровну: 50% — эстонская школа, 50% — русская.

Интервьюирование заключал вопрос ребенку: «Кем ты себя считаешь — эстонцем или русским?». Большинство детей (65%) назвали себя эстонцами, независимо от типа семьи и от того, владеют ли они эстонским языком. Русскими назвали себя 19, затруднились ответить 17, хотел бы быть и тем и другим 1% детей. Это лишь предварительные данные. Не все десятилетние дети осознают свою национальную принадлежность, да и выбор национальности им предстоит сделать позже, при получении паспорта. Проверить выбранную этими детьми национальность можно будет лишь спустя 6 лет. Обратимся для сравнения к данным аналогичного исследования, проведенного в 1967—1968 гг. Институтом этнографии АН СССР²¹ в столицах прибалтийских республик. Материалы, касающиеся Таллина, показали, что 62% детей, выросших в семье, где один из родителей эстонец, а другой русский, считали себя эстонцами.²² Наше исследование выявило 65% детей, назвавших себя эстонцами. Совпадение, по-видимому, не случайное, если оно наблюдается даже при исследовании небольшого масштаба.

Известно, что факторы, влияющие на формирование этнического самосознания детей, различны и обусловлены влиянием как семейной, так и внесемейной среды. Выявленный при установлении главных и второстепенных факторов общий процент детей, назвавших себя эстонцами, может служить лишь исходным материалом для дальнейшего более масштабного исследования. Учащихся эстонских и русских школ следует опрашивать, конечно, в отдельности. Выяснилось, что осознание национальной принадлежности у них различно: у учеников эстонских школ оно развито сильнее, отчетливее, чем у учеников русских школ. На вопрос о национальности, обращенный к детям из смешанных семей, обучающимся в эстонских школах, 85% детей назвали себя эстонцами; 5,4 — русскими; 9,6 не смогли ответить на вопрос («Не думал об этом»; «Еще не решил»). 40% детей из биэтнических семей, обучающихся в русских школах, назвали себя эстонцами; 37 — русскими; 27 затруднились ответить на вопрос.

Не вызывает удивления, что большинство учеников эстонских школ осознает себя эстонцами, — этому способствуют язык обучения, школьные друзья. Но бывает и так, что ученик русской школы чувствует себя эстонцем. Значит, влияет не только школа, но и семья, национальные взгляды родителей, довольно трудно уловимые при опросе. Можно также предположить, что национальные взгляды одного из родителей главенствуют в семье и он больше воздействует на ребенка. Кроме того нельзя не учитывать и влияния ближайшего окружения ребенка — русских или

²⁰ Одним из выражений межэтнических связей служит имя, которое дают ребенку в биэтнических семьях.

²¹ Терентьева Л. Н. Определение своей национальной принадлежности подростками в национально-смешанных семьях. — Советская этнография, 1969, № 3, с. 20—30.

²² Терентьева Л. Н. Этническая ситуация и этнокультурные процессы в Советской Прибалтике. — Ежегодник. Расы и народы. М., 1979, № 9, с. 157.

эстонских бабушек и дедушек. Любопытно определить степень влияния взглядов родителей и ближайших родственников на формирование представления ребенка о своей национальности. Оказывается, что дети из биэтнических семей (ученики эстонских школ) осознают себя эстонцами в следующих случаях, %: мама эстонка (35); поддерживаются тесные контакты с ее родителями (33); отец эстонец (23); ребенок посещал эстонское дошкольное учреждение вплоть до старшей группы (9). Важную роль в определении национальной принадлежности детей (из биэтнических семей), обучающихся в русских школах, играют отцы. У 47% детей, назвавшихся эстонцами, отец эстонец; у 37% детей имеются постоянные контакты с родителями отца; у 5% детей мама эстонка; 11% детей испытывают постоянное влияние родителей матери. Но не так важно в данном случае, какую национальность изберет ребенок из биэтнической семьи. Важно другое: межнациональная семья — первичная ячейка развития билингвизма и формирования интернационального самосознания.

Первое зондирующее исследование этнического состава, языковой среды и этнокультурных особенностей быта даже небольшой части современных биэтнических семей Таллина позволило:

- а) определить основные типы биэтнических семей, объединивших в себе различные языковые и этнопсихологические группы;
- б) выяснить, какой язык бытует в семьях разных типов;
- в) установить факторы развития билингвизма у детей из межнациональных семей;
- г) пронаблюдать, как складывается единое мнение родителей при выборе имени ребенка, школы, при определении его дальнейшего пути;
- д) наметить проявления адаптации супруга неэстонской национальности в культурно-бытовой сфере (язык, этнокультурные традиции, пища);
- е) подойти к рассмотрению факторов, обуславливающих формирование национального самосознания детей.

Информация, полученная в ходе опроса, оказалась и полезной и перспективной. Намечались цели и задачи дальнейшего исследования: на основе репрезентативной выборки вскрыть направления и пути сближения культур в биэтнических семьях, уточнить факторы, обуславливающие формирование национального самосознания у детей.

Представил В. Мамяги

Поступила в редакцию
5/У 1981

*Институт истории
Академии наук Эстонской ССР*

J. RICHTER

TALLINNA SEGARAHVUSEST PEREKONDADE ETNILINE KOOSTIS JA KODUNE KEEL

Rahvuskultuuride omavahelised seosed ja integratsioon linnaelanikkonna hulgas ilmnevad tänapäeval õige mitmes eluvaldkonnas. Erilist huvi pakuvad segarahvusest perekonnad, nende eluolu, perekonналиikmete suhted kodus ja väljaspool, enesetunnetus ümbritseva etnilise keskkonna suhtes. Käesoleva uurimuse raames selgitati kümne Tallinna kooli neljandate klasside õpilaste kaudu välja need perekonnad, kus üks vanematest on eestlane ja teine venelane, ukrainlane või valgevenelane. Uuritud sajast segaperekonnast on peaaegu igas kolmandas kohalik eestlane abielus väljaspool Eestit sündinud venelannaga. Arvuliselt teisel kohal on perekonnad, kus ema on kohalik eestlane ja isa sissesõitnud venelane. Üldse tehti kindlaks 8 varianti segapaare, arvestades ka kummagi abikaasa sünnikohta (Eestis või väljaspool Eestit).

Segaperekonnad erinevad üksteisest üsna mittemeti koduse keele, etnokrauiliste erijoonete edasiandmise ja vastuvõtu intensiivsuse, lastele nimede valiku ning nende

kultuuriorientatsiooni, laste bilingvismi ja rahvusliku enesetunnetuse jms. poolest. Linlastest segaperekondade materiaalses kultuuris ilmneb etniline spetsiifika vaid igapäevases ja pidutoidus ning külaliste vastuvõtu tavades.

Ulatuslikumate andmete saamiseks on kavandatud edaspidi analoogilisi uurimusi tunduvalt laiendada.

*Eesti NSV Teaduste Akadeemia
Ajaloos Instituut*

Toimetusse saabunud
5. V 1981

E. RICHTER

THE ETHNIC COMPOSITION AND LANGUAGE IN NATIONALLY MIXED FAMILIES LIVING IN TALLINN

The integration and intermingling of national cultures takes place in various spheres of urban life. In this respect, of particular interest are the nationally mixed families residing in Tallinn, their personal connections, and their self-determination in the ethnical environment.

An examination of 100 families of mixed nationalities revealed that approximately every third family is represented by an Estonian husband of local origin and a Russian wife who was born beyond Estonian borders. The second place, in numbers, belongs to families containing an Estonian wife of local origin and a Russian husband who has come to Tallinn from elsewhere. In total, 8 types of Estonian-Russian mixed families could be stated, considering likewise the place of birth: Russians born in Estonia or beyond her borders, and local Estonians or those who have come from other parts of the republic.

The families of mixed nationalities also differ in the language used at home, as in the degree of handing over or adopting ethnical peculiarities in the choice of children's names, in the orientation of children in respect to the Russian or Estonian culture, in the bilingualism of the children, in their national consciousness, etc. In the material culture of the urban families of mixed nationality, the ethnical peculiarities may only be observed in the meals taken everyday and on festive occasions, and in the customs connected with the reception of guests.

For getting more reliable data, analogical research will be carried out on a larger scale.

*Academy of Sciences of the Estonian SSR,
Institute of History*

Received
May 5, 1981